
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-X

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 90-летию Л. К. Герасимович

St. Petersburg
2013

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-Х: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 144 с.

Десятый выпуск сборника имеет разделы: «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Историография, источниковедение и история науки», «Рецензии и научная жизнь», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The tenth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews and Scholaly Life», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен в издательстве

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* http://www.pvost.org

Подписано в печать 15.08.2013. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 усл.-п. л. Заказ №

Первая академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения правообладателей.

ISBN 978-5-85803-467-4



© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2013

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Предисловие. <i>И. В. Кульганек, Л. Г. Скородумова</i>	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. Г. Скородумова. Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре.	8
О. А. Сапожникова. Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа (по рассказу С. Эрдэнэ «Камень в сердце»)	16
А. А. Туранская. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы	21
Д. А. Носов. Кумуляция в сказках монгольских народов: жанровый признак или композиционный прием?	26
А. А. Соловьева. Рассказы о проделках нечистой силы в монгольском фольклоре	33
П. О. Рыкин. К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре «Дада юй/Бэйлу юй» (конец XVI—начало XVII в.)	41
А. И. Чернуха. К вопросу о диахроническом образовании долгих гласных в монгольском языке	49
И. В. Кульганек. Фольклорное воплощение феномена Прихубсугуля — Даян Дэрх.	53
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Е. И. Кычанов. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся)	58
К. В. Алексеев. О двух монгольских рукописях жизнеописания Гампопы (1079—1153)	65
Ю. И. Елихина. Монгольские ксилографические доски из коллекции Государственного Эрмитажа	70
А. В. Майоров. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку (текст, перевод, комментарий)	74
А. Б. Малышев. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? (к постановке проблемы)	82
П. Чултэмсүрэн. Краткая история халхаского Цогту-хунтайджи и его потомков	86
Ф. Л. Синицын. Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926—1937)	90
И. В. Кульганек. Рукописное и архивное наследие монгольских народов в России	97
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
К. Н. Яцковская. Читая «Труды о Монголии и для Монголии» А. Д. Симукова	101
Б. Дайриймаа. Конференция, посвященная 100-летию известного алтайского урянхайского исполнителя С. Чойсуреана	109
Ю. И. Дробышев. Новые издания совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и МАН	110
О. Н. Полянская. Конференция «Монголия в XX веке: от восстановления независимости до международного признания». 1—2 декабря 2011 г., г. Иркутск	113
Т. Г. Басангова. Субурган Джамбо-тайши Тундугова	117
Л. В. Четырова. Монгольский форум в Париже	119
Л. Халоупкова. <i>Болдохонов К. Б.</i> Дорогие мои земляки	120
А. А. Бурыкин. <i>Омакаева Э. У.</i> Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории	122
Т. Д. Скрынникова. <i>В. Л. Успенский.</i> Тибетский буддизм в Пекине	125
И. В. Кульганек. Отчет о Первой Международной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора»	128
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Т. Баянсан. Лысое сердце (пер. Л. Скородумовой)	131
С. Эрдэнэ. Камень в сердце (пер. О. Сапожниковой)	133
П. Лувсанцэрэн. Голубой, как вода (пер. О. Сапожниковой)	134
С. Пурэв. Страдания собаки никогда не кончатся (пер. О. Сапожниковой, под ред. Л. Скородумовой)	138
Д. Гармаа. Сундук гецула (Будда) (пер. К. Ким)	140
Summary	141

Contents

Introduction by <i>I. V. Kulganek, L. G. Skorodumova</i>	5
LITERARY STUDIES, FOLKLORE STUDIES, LINGUISTICS	
L. G. Skorodumova. The model of the space-time continuum in the Mongol culture	8
O. A. Sapozhnikova. The spiritual character of the Mongolian people in the story by S. Erdene «A Stone of the Heart» (Structure of a literary text)	16
A. A. Turanskaya. The Mongolian translation of the collection «One Hundred thousand hymns» by Milarepa	21
D. A. Nosov. The structure of the Mongolian folk tales	26
A. A. Solovyeva. Stories about the evil forces in the Mongolian folklore	33
P. O. Rykin. On the Principles of Chinese Transcription of Mongolian Words in the Chinese-Mongolian Dictionary «Da-da yu/Beilu yiyu» (late 16 th —early 17 th centuries)	41
A. I. Chernukha. On diachronic process of formation of long vowels in the Mongolian language.	49
I. V. Kulganek. Folklore embodiment of the Prikhubsugulie's phenomenon — Dayan Derkh	53
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
E. I. Kychanov. The Tangut-Tatar border in the first quarter of the XIII century. (the «New laws» of Xia)	58
K. W. Alekseev. About two Mongolian manuscripts of the biography of Gampopa (1079—1153)	65
Yu. I. Yelikhina. Mongolian woodcut boards from the collection of the State Hermitage.	70
A. V. Mayorov. Pope Innocent IV's letter to Sartakh Khan of the Golden Horde (text, translation, notes)	74
A. B. Malyshev. What was the purpose of the Golden Horde «poem» written on birch bark found near the village of Podgornoe? (statement of the problem)	82
P. Chultemsuren. A brief history of Khlalkh Tsogtu-Khuntaydzhi and his disciples	86
F. L. Sinitsyn. International activities of the Tibetan Hierarch Panchen Lama IX and their impact on the situation of Mongolia and Inner Mongolia (1926—1937 years)	90
I. V. Kulganek. Manuscript and archival legacy of mongolian peoples in Russia	97
REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE	
K. N. Yatskovskaya. Reading the «Works of Mongolia and for Mongolia» by A. D. Simukov [The State Museum of Ethnology, Osaka, 2007—2008]	101
B. Dayriymaa. The conference dedicated to the 100 th anniversary of the famous Altai-Uryankhay performer S. Choysuren	109
Yu. I. Drobyshev. The new publications by the Integrated Russian-Mongolian biological expedition of RAS and MAS	110
O. N. Polyanskaya. The conference «Mongolia in the XX century: from the restoration of independence to the international recognition»	113
T. G. Basangova. Suvarga of Jumbo Taishi Tundutov	117
L. V. Chetyrova. Mongolian forum in Paris.	119
L. Khaloupkova. Review of «My Dear Countrymen» by K. B. Boldokhonov (Ulan-Ude, 2012)	120
A. A. Burykin. Review of «The Typology of Model-forming Parts of Sentences in the Kalmyk and Mongolian Languages in Light of the Verbal-actantial Theory» by E. U. Omakaeva. (Ulaanbaatar, 2011)	122
T. D. Skrynnikova. <i>V. L. Uspenskiy.</i> The Tibet Buddhism in Beijing.	125
I. V. Kulganek. Report about the first international conference «Cultural Heritage of mongols: manuscripts and archival collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar»	128
OUR TRANSLATIONS	
T. Bayansan. Bald Heart (translated by L. Skorodumova)	131
S. Erdene. Stone Heart (translated by A. Sapozhnikova)	133
P. Luvsantseren. As Blue as Water (translated by A. Sapozhnikova)	134
C. Purev. A Dog's Suffering Never Ends (translated by A. Sapozhnikova; ed. by L. Skorodumova)	138
D. Garma. Getsul's Chest (translated by K. Kim)	140
Summary	141

О. А. Сапожникова

Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа (по рассказу С. Эрдэнэ «Камень в сердце»)

Миниатюра как литературная форма представляет собой квинтэссенцию культурных и духовных традиций народа. Анализ произведений, созданных признанным мастером рассказа Сэнгийн Эрдэнэ, дает ключ к пониманию глубинной структуры монгольской словесности.

Ключевые слова: камень, сердце, символ, аллегория, гармония, связь.

Художественные вкусы монгольского писателя С. Эрдэнэ (1929—2000) формировались не только под влиянием классиков монгольской литературы XIX—XX вв.: В. Инджинаша, Д. Равджи, Д. Нацагдорджа и др., но и под влиянием русской прозы XX в. Первые произведения С. Эрдэнэ показали интерес автора к морально-этическим проблемам, которым он остался верен на протяжении всего своего творческого пути. Проявив себя лириком в прозе, С. Эрдэнэ стал ведущим представителем нового для современной монгольской литературы жанра — психологической новеллы. Перу С. Эрдэнэ принадлежат не только рассказы, очерки, новеллы, но и произведения более крупных жанров, таких как повесть и роман.

Анализ короткого рассказа под названием «Камень в сердце» («Зүрхэн дэх чулуу») [Эрдэнэ, 1974. С. 222—223] дает основание полагать, что С. Эрдэнэ является ярким выразителем духовной ментальности своего народа. В этой миниатюре проявилась прочная связь одного из самых значительных авторов монгольской литературы XX в. с устным народным творчеством, с природой Монголии, с национальными традициями. Это произведение представляет собой квинтэссенцию литературных и духовных традиций монгольского народа, оно дает ключ к пониманию кредо С. Эрдэнэ, а также к определению архетипов, мифопоэтической картины современной монгольской литературы, ибо раскрывает важнейшую составляющую менталитета этого народа — гармонию человека и природы.

Интерес представляет и история создания рассказа «Камень в сердце». Как вспоминает сам писатель, путешествуя со своим товарищем писателем Уламбаяром по реке Тамир, он познакомился с человеком по имени Авирмэд, который мастерски вырезал различные фигурки из корешков деревьев. У него в юрте С. Эрдэнэ заметил странную фигурку: старик, стоя на коленях, простирает руки к небу. Вместо сердца у старика синий камень. На протяжении всей

поездки писатель не мог забыть об этой фигурке, уже тогда он задумал написать очерк под названием «Эхо каменной реки» («Чулуут голын цуурай»). Но в дальнейшем С. Эрдэнэ передумал, почувствовав, что хотел бы написать рассказ, который освободил бы его от тягостных мыслей. Так появился короткий, на две страницы, рассказ под названием «Камень в сердце», который, по словам писателя, принес ему одновременно и чувство радости, и чувство грусти.

Мысль писателя реализовалась на небольшом по объему литературном пространстве с достаточно сложной художественной структурой, которая представляет собой лабиринт сцеплений различных образов, ассоциаций и аллегорий. Обратимся к сюжету рассказа: герой по имени Доной — талантливый человек, умеющий делать различные фигурки из корешков деревьев. Начав с простых поделок, Доной совершенствовал свое мастерство и мог вырезать целые сценки, например схватку льва и тигра, целые сюжеты из жизни или из литературных произведений, находя вдохновение в окружающей его природе. Однажды Доной нашел странную фигурку чловека с камнем вместо сердца, которая поселила в душе героя беспокойство, напомнив о пережитой им трагедии: несколько лет назад Доной потерял единственного любимого сына. Именно с тех пор он часто гулял один, а со временем стал замечать необычные корешки деревьев, что и вдохновило его на создание поделок.

Главной темой рассказа является душевная боль главного героя и его путь избавления от нее. Помимо основной темы, мы можем выделить около девяти мотивов, с литературоведческим анализом которых откроется глубинная, вторичная, скрытая от поверхностного видения структура данного рассказа, состоящего из 22 предложений.

Первый мотив — творчество Доной. Описание ремесла главного героя дано в первых четырех предложениях. Автор знакомит нас с Доной, дает кар-

тину со стороны, выступает как рассказчик, как свидетель развития мастерства Доноя, обладая при этом ограниченным знанием: он не указывает возраст героя, но, впервые называя Доноя, присоединяет к его имени уважительную частицу, указывающую на то, что Доной старше рассказчика, в данном отрывке также нет обозначений времени и границ пространства. Рассказчик упоминает в четвертом предложении жену главного героя, но не называет ее имени. Действие происходит только в двух пространствах: лес и горы («чужое») и дом Доноя («свое»), что дает некую ассоциацию с построением художественного пространства произведений фольклорных жанров. Развитие мастерства Доноя показывает ход времени. Главный герой предстает человеком увлеченным, не жалеющим сил для своего ремесла: в поисках различных корешков он долго бродит по лесам и горам, ворочает тяжелые камни, не обращая внимания на то, что портит свою одежду. Данный мотив, как мы говорили выше, разворачивается в пределах первых четырех предложений, состоящих из 136 слогов. Построение и интонация данного отрывка напоминают фольклорный зачин сказок. Последовательное неспешное повествование будто о далеком знакомом строится по принципу увеличения объема: первое предложение состоит из 12 слов, последнее, четвертое, из 31 слова. Весь отрывок богат аффиксами, например: родительный падеж встречается 11 раз, дательный — 3, орудный — 3, совместный — 2, винительный — 1 раз. Обилие случаев использования родительного падежа указывает на преобладание не-предикативных синтагм, атрибутивных по характеру. Используя подобные конструкции, автор составляет и обозначает в художественном пространстве действующие образы и сверхфразовые ассоциации, развитие которых в дальнейшем развернет как сказочную метафоричность рассказа, так и мифопоэтическую концепцию.

Второй мотив — отношение других людей к поделкам Доноя. В данном отрывке автор ставит на карту литературного пространства еще одну координату — других людей (*хол ойрын хүн*), окружающих героя: друзей, соседей, знакомых, которые восхищаются мастерством Доноя. Жене героя нравились поделки, пригодные в быту, такие, например, как ложки, но в дальнейшем она сочла занятие мужа бесполезной тратой времени. Здесь можно заметить замкнутость главного героя, рассказчик дает нам понять, что его увлечение — нечто большее, чем препровождение времени. Само построение текста: предложения, которые посвящены описанию поделок Доноя, отличаются большим объемом, синтагматические ряды состоят из четырех и более слов. Предложения, в которых рассказчик вводит дополнительную информацию, напрямую не касающуюся ремесла Доноя, краткие, в них на первый план выходят скорее предикативные конструкции, выражающие внешние «точки» по отношению к мастерству главного героя. Подтверждением этому служит следующий отрывок текста, содержащий в себе пред-

ложения с седьмого по девятое включительно. На данном отрывке, как и в первом случае, мы снова попадаем в пространство героя, на его территорию, в его мир. Здесь ритм замедляется, пропадает интонация интимности, ощущение того, что Доной — знакомый нам человек, исчезает рассказчик, мы слышим спокойный голос всезнающего повествователя, наша точка зрения на Доноя меняет свое положение, мы будто наблюдаем за ним, будто, поднявшись над описываемыми событиями, видим всеобъемлющую картину в течение долгого промежутка времени. Данный отрывок один из наиболее важных в тексте, здесь автор раскрывает мифопоэтическую концепцию пространства и времени, национального самоощущения традиций и природы Монголии, которую в дальнейшем завершит и дополнит главный образ рассказа — фигурка человека с синим камнем на месте сердца. Для наглядности приведем этот отрывок текста: «*Хусны араар / далайн долгио/, галын дөл / хүртэл / хийсэн байна/. Арцны үндсээр ноцолдож байгаа арслан, бар/, эхнэрээ үсдэн зодож байгаа маанаг эр/, хуруу дарам хэмжээнд багтсан/, үлгэр домгийн юм / сийлбэрлэснийг үзсэн хүн / нүд хужирлаж / сэтгэл зугаацахын хирээр / энэ бүхэн жирийн нэг тоглоом наадмын зүйл биш / гэдгийг ойлгоно/. Доной гуай / өөрөө бол / энэ бүхнийгээ нэн их нандигнан хадгалж үзсэн хүн / гайхан нагтахаар нь баярлан урамшиж / нарлаг сайхан өдөр / тэнгэрийн хаяа / уулын оргилыг ширтэж / ажлаа бүтээсэн амгалан хүний ёсоор инээвхийлэн явдаг билээ» («Из березовых корешков сделал он морскую волну и пламя огня. Из корней можжевельника вырезал хватку льва и тигра, глупого мужа, бьющего жену, героев древних легенд. Все фигурки были величиной с палец. Доной радовался похвалам и бережно хранил свои поделки. Он был человеком, для которого источником вдохновения были ясный солнечный день, вершины гор, горизонт неба»). Как мы говорили выше, данный, достаточно небольшой, отрывок, состоящий из 79 слов и 157 слогов, имеет важное значение для понимания всего текста. Неровный синтагматический ритм будто отражает такой же неровный, скачкообразный путь читателя по расставленным автором архетипам национально окрашенного сознания главного героя: из древних веков в современность, из сказки в реальность, из фантазийного мира увлечения Доноя в действительный, настоящий мир. Интересны «остановки» читателя — это не только герои волшебных, бытийных сказок, сказок о животных и легенд (как, например, тигр или глупый муж), но и три важных символа Монголии: вечное синее небо, яркое солнце, вершины гор. Стоит отметить упоминание пламени огня — священного для монголов символа очага. Автор делает остановку и на значении для Доноя взаимоотношений с другими людьми, ему важно одобрение окружающих его людей. Преобладание, как и ранее, не-предикативных синтагм, атрибутивных по характеру, неровный синтагматический ритм, лексико-смысловая соотнесенность всех трех предложений данного отрывка, чет-*

кие темо-рематические связи, спокойная интонация, обилие аффиксов и глагольных форм (родительный падеж — 10 раз, орудный — 4, винительный — 4, дательный — 1 раз, причастие прошедшего времени законченного вида — 4 раза, многократное причастие настоящего времени — 1 раз, соединительное деепричастие — 6 раз, слитное деепричастие — 3 раза, предельное деепричастие — 1, побудительный залог — 1 раз), что указывает на описательный по коммуникативной направленности тип данного отрывка и на особое смысловое единство всех трех рассматриваемых предложений.

Следующее предложение выводит нас из глубокой, скрытой смысловой структуры текста и возвращает к поверхностной сюжетной части, тем самым раскрывая новый мотив: находка Доноя. Здесь автор вводит основной образ рассказа — фигурку человечка, который сидит, упираясь руками в колени, а в груди на месте сердца у него синий камень. Символичный и максимально аллегорический образ, дарящий рассказу не один ассоциативный фон. Отметим, что находка Доноя — создание природы. Начиная с данного отрывка, состоящего из трех предложений (с десятого по двенадцатое включительно), из 46 слов и 95 слогов, дальнейшее развитие сюжета представляет следующую известную схему: завязка — кульминация — развязка, при том что сам текст не только не теряет некоего сказочного компонента, ассоциативно и текстуально ощутимого на протяжении всего рассказа, но, наоборот, появление фигурки (напомним, что Доной находит ее на вершине горы) и сама фигурка, ее образ представляются необычными, необъяснимыми, волшебными. Подтверждением этому служит и неудачная попытка главного героя изменить грустный облик фигурки. Данный отрывок — завязка сюжета: Доной находит фигурку и приносит ее домой. Кульминацией является следующий отрывок текста (с тринадцатого по пятнадцатое предложения включительно), состоящий из 50 слов и 91 слога. В этом отрывке повествователь рассказывает нам о нарастающем чувстве беспокойства у Доноя: грустный человечек вызывает в душе главного героя необъяснимые тяжелые чувства. Несмотря на это, Доной, уважая и почитая творение природы, поставил фигурку на *хоймор* — почетное место в юрте. Интересно и указание на время: человечек так долго «жил» у Доноя, что фигурка успела износиться и даже лишиться руки. Некоторое сюжетное промедление в начале развязки заключает в себе следующий отрывок текста (предложения с шестнадцатого по восемнадцатое включительно). Главный герой сравнивает себя с этой фигуркой, представляя, что у него мог появиться синий камень на месте сердца. Заметим, что это передано несобственно-прямой речью. Далее повествователь рассказывает о трагедии героя (он потерял единственного сына), которая и привела Доноя к его увлечению. Предложение, заключающее в себе информацию о зарождении ремесла главного героя, как и равные ему по информативности и смыслу предложения, ранее рассмотренные нами, отличается объемом (42 слова и 70 слогов), сложной синтаксической структурой, обилием аффиксов и глагольных форм: орудный падеж — 2 раза, родительный — 2, совместный — 2, дательный — 2, винительный — 1 раз, исходный — 1, причастие прошедшего времени — 2 раза, многократное причастие настоящего времени — 1 раз, причастие настоящего-будущего времени — 1, слитное деепричастие — 4 раза, соединительное деепричастие — 2 раза, предельное деепричастие — 1, побудительный залог — 1 раз. На данном отрывке начинает играть смыслами главный образ рассказа — фигурка человечка с камнем вместо сердца. Первый ассоциативный слой, уровень образа — олицетворение горя и печали, известное для мировой литературы воплощение человеческих страданий — окаменевшее сердце, сердце, которое затвердели жизненные невзгоды. Образ каменного сердца также вызывает ассоциации с черствостью, жесткостью, отсутствием чувств любви и добра. Но заметим, что подобные смысловые сцепления относятся не к произведению человеческих рук, а к созданию природы.

Невозможно избежать прямого сравнения образов фигурки и главного героя, которое проводит и сам Доной: смерть сына в одно мгновение превратила сердце героя в камень. Неслучайно Доной обращает внимание именно на эту фигурку, уважительно к ней относится, делает ее частью своего мира. Отметим, что в то же время и сама фигурка имеет необъяснимое влияние на Доноя, завладевая его мыслями и чувствами. Это открывает нам другой ассоциативный уровень: фигурка — прообраз человека в мире природы. Природные силы дают человеку жизнь, сам человек является неотъемлемой частью природы, обладая смертным, легко уязвимым телом (деревянная фигурка), которое со временем изнашивается, и бессмертной душой (каменное сердце). Синий цвет камня, являющийся основным, главным цветом Монголии, также достаточно аллегоричен. Напомним, что сами монголы называют себя «синими монголами», «сыновьями вечно Синего неба». Стоит обратить внимание и на материал фигурки — это корешок дерева. Корни деревьев, которые также можно назвать основным образом рассказа, открывают еще один ассоциативный уровень, так как образ корня часто связан с олицетворением родственных уз, которых главный герой лишился, — по причине смерти сына Доной остался в одиночестве, он не имеет своего продолжения в мире. В данном текстуальном пространстве образ корешков деревьев показывает тесную взаимосвязь человека и природы. Параллелизм состояний человека и природы дает упомянутое нами прямое сопоставление образов человечка с синим камнем вместо сердца и Доноя, который как будто находит в природе свое отражение, отражение своей душевной боли и утраты.

Особенно важное смысловое значение имеет последний отрывок текста (предложения с девятнадцатого по двадцать второе), для наглядности приведем его здесь: «*Тийн нэг өдөр / энэ мэтийн хүнд болоод*

цаламдуулаж / нөгөө сийлбэрээ аваад / хөх чулуун зүрхийн нь нулт цохиж хаяв. Гэтэл зүрхий оронд / хүрэн алагласан гүнзгий нүх үлдэв. Тэр нь зүрхээ суга татуулаад / сөхрөн унасан хүний дүр болов. Донной / түүнийгээ сэмхэн авч гараад / түлээн дээрээ аваачиж / хангинуур сүхээ хага бут цохиод / долоон уулын цаагуур шидэж орхижээ». («Однажды в пасмурный день Доноя охватила печаль, он схватил фигурку и выбил синий камень. На месте камня зияла пуста. Камень куда-то закатился, а человечек упал. Доной взял топор, разрубил фигурку без сердца на куски и забросил за семь гор»). Именно здесь до конца разворачиваются как сказочная метафоричность рассказа, так и аллегорический образ человечка с синим камнем вместо сердца. Если за основу взять сравнение рассказа с волшебной сказкой, то фигурка будет представлять собой волшебный, заколдованный предмет, главным «компонентом», главной частью которого будет служить синий камень. «Сказочность» рассказа подтверждает и конечная метафора — «за семь гор», пришедшая в современную монгольскую литературу из фольклорных жанров. Избавление Доноя от фигурки представляется легко предсказуемым сюжетным шагом, но интересным смысловым ходом в общем текстуальном мифопоэтическом пространстве рассказа. Можно ли утверждать, что, избавившись от фигурки, Доной справился со своей душевной болью? Или его жизнь окончательно потеряла смысл, а Доной надежду? Своей неоднозначной, но одновременно четкой фабулой, имитирующей фольклорное произведение, богатой и сложной структурой этот небольшой по объему рассказ удивляет и заставляет читателя задуматься, предстает своеобразной сказочной загадкой.

Рассматриваемый нами рассказ под названием «Камень в сердце» («Зүрхэн дэх чулуу») представляет собой по коммуникативной направленности изобразительно-описательный тип текста, на что указывает типичная для данного рассказа связь внутри синтагм, а именно примыкание, например: *ийм чулуу, үлгэр домгийн юм, тагш мэтийн гэр зуурын хэрэгцээний эд юм* и др. В тексте преобладают переходные глаголы, практически отсутствуют парные словосочетания, но преобладающие здесь парные глаголы (аналитические конструкции) восполняют необходимый для данного рассказа эмоциональный фон и национальный колорит, например: *шагайж явах* ('бродить', 'шататься'), *гайхан шагших* ('удивляться', 'восторгаться'), *баярлан урамших* ('радоваться', 'иметь настроение', 'вдохновение') и др. Во всем тексте рассказа, состоящем из 404 слов и 754 слогов, аффиксы и глагольные формы употребляются в таком количестве: родительный падеж — 36 раз, дательный — 21, орудный — 14, винительный — 9, совместный — 7, исходный — 2 раза, причастие прошедшего времени — 17 раз, многократное причастие настоящего времени — 6, причастие настоя-

щего-будущего времени — 6, разделительное деепричастие — 10, слитное деепричастие — 15, соединительное деепричастие — 29, предельное деепричастие — 5, условное деепричастие — 2 раза, побудительный залог — 8, страдательный залог — 1 раз, совместный залог — 4 раза.

Говоря об особенностях данного рассказа, нужно упомянуть и о пространственно-временном плане. Отметим, что здесь мы можем выделить фабулу и сюжет, автор вначале ставит читателя на совсем иную, нежели в конце рассказа, точку зрения: в начале повествования мы видим талантливого человека, который проводит свое свободное время, вырезая из корешков деревьев различные фигурки, а не человека, пытающегося справиться со своей душевной болью. Информация о герое «переставлена» во времени для того, чтобы вначале раскрыть мифопоэтическую картину мира монголов, воссозданную автором благодаря поделкам Доноя. Интересно и перемещение точки зрения рассказчика, а потом уже повествователя в отношении главного героя: в начале повествования, как мы говорили выше, мы слышали голос рассказчика, обладающего ограниченным знанием, но в дальнейшем его сменил повествователь, меняющий свое положение по отношению к Доною, давая читателю возможность то посмотреть на главного героя со стороны, то заглянуть в его внутренний мир. Отметим, что мы не знаем ни точного времени, ни точных координат пространства, но видим, что описываемые в рассказе события занимают достаточно долгий промежуток времени, а художественное пространство скорее имитирует фольклорное, разделенное на «свое» и «чужое». Созданный С. Эрдэнэ хронотоп помогает скрепить в единое смысловое поле все ассоциативные, аллегорические образы, показывает многослойность и неоднозначность рассказа «Камень в сердце» и, работая вместе с синтактикой текста, задает определенную динамику описания и придает органичность метафорической картине мира.

Структура текста, его построение, а именно ритм, композиция, смена форм повествования, особенности синтаксического строя всецело отражают те идеи и чувства автора, которые он хотел выразить в данном рассказе. Все используемые автором средства рисуют поистине монгольскую по духу, медитативную по характеру картину, зарисовку национального восприятия мироустройства, миропорядка, взаимосвязанности и взаимозависимости всего живого на земле. Стоит отметить, что в рассказе достаточно просто выделить слова-доминанты, слова-локативы: *үндэс, ур, мод, хүн, зүрхэн, дур*. Все шесть слов являются важнейшими «отправными точками» для верного прохождения всех ассоциативных рядов хотя и простого, но при этом художественно и эмоционально сложного рассказа С. Эрдэнэ.

Литература

Эрдэнэ, 1964: Эрдэнэ С. Малын хөлийн тоос. Улаанбаатар, 1964.

O. A. Sapozhnikova
The spiritual character of the Mongolian people
in the story by S. Erdene «A Stone of the Heart» (Structure of a literary text)

Miniature as literary form is typologically close to Mongolian mentality. Such works present the quintessence of Mongolian people' cultural and spiritual traditions. The analysis of this genre gives the key to understanding the deep structure of Mongolian literature.

Key words: stone, heart, symbol, allegory, harmony, connection.